

Для цитирования: Ершов Ю. Г.
Аксиология прав человека:
демократия versus автократия //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 45—54.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

УДК 130.3

АКСИОЛОГИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ДЕМОКРАТИЯ VERSUS АВТОКРАТИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заведующий кафедрой философии
и политологии, профессор,
доктор философских наук.
Российская Федерация, 620144,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 68.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу идеологических споров относительно концепции естественных прав и свобод человека. Критике подвергается как практика злоупотребления основными правами, так и попытки подмены их архаичными формами взаимоотношения индивида и государства. На примере нацистской Германии фиксируется закономерная связь между отрицанием правового государства и его заменой террористической диктатурой.

Ключевые понятия:

естественные права человека,
конституция,
правовая фикция,
демократия,
государство,
авторитаризм.

Идея естественных прав человека как важнейшей гуманитарной ценности не случайно принадлежит христианской цивилизации, исторически соединившей борьбу людей против деспотизма и тирании с возвышением человеческой личности. После создания Организации Объединенных Наций естественные права и свободы именуется «общечеловеческими» и считаются величайшим достоянием мировой цивилизации. Соблюдение основополагающих прав человека предлагается считать критерием уровня гуманности и цивилизованности жизни любого общества и государства.

Но сегодня теория и практика реализации прав и свобод человека столкнулись с серьезными вызовами современности. Стягивая воедино целый ряд острых и углубляющихся мировоззренческих проблем, они фиксируются в системе взаимосвязанных противоречий — между взаимными правами и обязанностями гражданина и государства, между персонифицизмом и социализмом, индивидуализмом и коллективизмом и т. п. Жизнь сигнализирует — прежнее отношение к идеалу прав человека как к чему-то священному, соответственно, признание за западной цивилизацией безусловного права на единственно верное их толкование и воплощение в действительность, как минимум — спорно.

В России, по смыслу Конституции 1993 г., сконцентрированному в ч. 2 ст. 18, нет и не может быть какой-либо общественной и государственной (в том числе и правоохранительной) деятельности, содержание которых не соотносилось бы правами и свободами человека как высшей ценностью. Но Конституция РФ действует в сложном, противоречивом контексте, образуемом многими факторами. Прежде всего, это — политико-правовой кризис, длящийся со времен «перестройки». Он имеет системный характер, затрагивая все черты правовой жизни — от массового правосознания до официального правоприменения. С одной стороны, делятся традиции покорности бесправию и беззаконию, всеобщего правового нигилизма, декларативности провозглашаемых правовых ценностей; по-прежнему низок уровень правовой культуры органов власти и населения, отсутствуют социально-экономические и политические условия для полноценной реализации прав и свобод.

С другой стороны, мы сталкиваемся с разновекторным характером интерпретации основных прав и свобод. Странники идеологии прав человека как естественных, присущих от рождения, не октроированных, коренящихся в самой природе человека,

придают им высший критериальный смысл в оценке любых социокультурных процессов. Типична в этом смысле позиция В. А. Четвернина, считающего, что «в концепциях естественного права ставится цель выяснения сущности правовых явлений, лежащей за внешними, формальными свойствами позитивного права, объяснения и оценки правовых явлений с позиций знания о должном праве и с точки зрения нормативных ценностных идеалов» [16, с. 13—14].

Соответственно, всё, не отвечающее стандартам, рожденным западной цивилизацией, маркируется как феномены тирании, деспотии, насилия и произвола, как выражение отсталости, дикости и варварства. В этом качестве права человека сакрализуются, им придается абсолютный, безусловный характер. Оппоненты же этого подхода указывают на то, что «никаких прав у человека от рождения, от природы, от Бога нет и не быть не может. Права он получает только в государстве. Нет государства — и прав никаких нет» [4, с. 2].

Критики российской действительности, занимающие диаметрально противоположные идеологические позиции, солидарны в указаниях на факты коррупции и недостойного поведения в рядах правоохранителей, на зависимость судей от исполнительной власти, на открытое пренебрежение чиновников правами граждан и т. п. Отмечается острое противоречие между «бумажной» Конституцией и реальной правовой системой. Выводы же в оценке сложившейся ситуации заметно различаются. Одни утверждают, что новая, либерально-демократическая Конституция вывела Россию из острого политического кризиса 1993 г. и заложила основы пусть медленного, мучительного, но все-таки демократического развития. Другие толкуют о формальности провозглашенных принципов правового государства и отсутствии желания их осваивать. Оппоненты и тех, и других уверяют в деструктивности и непригодности для России заимствований от «тлетворного и гнивающего Запада», поскольку Конституция РФ представляет собой своеобразную малую энциклопедию либерально-правовой конституционной мысли [6, с. 45].

Накал полемики порой приобретает, в зависимости от степени геополитической и внутриполитической напряженности, ожесточенный характер, заметно ухудшающий качество аргументации, подменяющий ее идеологическими штампами и ярлыками. Например, резко негативное отношение к идее прав человека выражается в ее объявлении «продуктом больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строя-

щегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей», утверждение «приоритета прав человека» выступает «эксцессом, абсолютизацией какого-то одного принципа... среди теоретизирующих юристов». [10, с. 39]. «Абстрактно-аморфный статус «прав человека», — рассуждает А. А. Владимиров, — является главной причиной их *несоблюдения* даже при красочно-образной их записи в Конституциях государств: право на жизнь, на образование, на свободу, на здравоохранение, на труд, на самозащиту, на перемещение, на жилье, но *гарантии* этих прав не оговорены конституционно или реально не выполняются» [3, с. 282].

В реальной правовой повседневности день ото дня множится число требуемых справок, отчетностей, бюрократических процедур, приводящих к абсурдным последствиям и уголовным делам и т. п. Тем самым право, Конституция становятся пустыми декларациями. Объясняя ситуацию, Е. С. Аничкин находит в сложной российской правовой жизни «эпизодически наблюдаемое расхождение между писанным правом и правовой реальностью», дисгармонию норм права и действительности — фикции, встречающиеся в различных отраслях российского права [2, с. 88]. Рассматривая фикции в конституционном праве и отмечая их большую масштабность по сравнению с ролью фикций в иных отраслях права, Е. С. Аничков сообщает о своем выборе для исследования классического, или традиционного подхода, «в рамках которого фикция рассматривается как прием юридической техники, состоящий в признании существующим несуществующего и наоборот» [2, с. 89]. Этот подход ведет свое происхождение от определения Р. Иерингом правовой фикции как технического обмана, юридической лжи, освященной необходимостью.

На деле же в дальнейшем исследовании автором используется редукция правовой фикции к свойству нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности, к незавершенности и неполноценности правового регулирования, более широко — к фиктивности вообще, теряющей категориально-юридический смысл. Подобная фиктивность (или мнимость) конституции, ослабляющая ее регулятивное значение, как следствие подвижности общественных отношений или внутренней политики государства — феномен универсальный и особых концептуальных затруднений не вызывающий. Аналогично обстоит дело и с неоднозначностью роли Конституции в переходный

период развития общества — с его нестабильностью и неопределенностью, с возможным заимствованием правящим классом чуждых политико-правовых ценностей и их навязыванием обществу. Автор справедливо, по нашему мнению, соглашается с ярко выраженной мировоззренческой и идеологической природой конституционно-правовых фикций и их выражением в абстрактных правовых категориях, «понимание и толкование которых отличается дискуссионностью и неоднозначностью», обладающих смысловой подвижностью в зависимости от складывающейся конъюнктуры. [2, с. 92—93]. Но дело в том, что правовая, и особенно конституционно-правовая, фикция может быть не просто спорной или неоднозначной, она может быть формально ложной и именно объяснение формальной неистинности фикции обнаруживает ее подлинный смысл. Только сама история с течением времени и развитием социальной практики обнаруживает содержательную истинность или ложность той или иной правовой фикции. Будучи идеализацией — мысленной конструкцией объекта, не существующего в действительности, правовая фикция представляет то или иное свойство или состояние в предельном виде. Следует особо подчеркнуть факт дескриптивности социогуманитарных идеализаций, выражение ими определенных ценностей, позволяющих в определенной социальной ситуации выступать в роли инструмента — обосновывать социальную идентичность, достигая интеграция и интересубъективного нормативного согласия [12, с. 76]. Плодотворность таких идеализаций (правовых фикций) обнаруживается практикой их реализации, долговременным и устойчивым социально полезным эффектом.

Здесь мы и сталкиваемся с проблемой потенциала такой правовой фикции как «естественное право» обеспечивать стабильность и поступательное развитие общества. Но решение этой проблемы требует предварительно выяснения некоторых важных вопросов.

Сторонники юридического или либертарианского правовопонимания отличаются буквализмом трактовки прав человека как «естественных и неотчуждаемых» притязаний на свободу, следующих из понимания свободы как естественного свойства, присутствующего людям.

А. С. Кудинов обращает внимание на субъективность понимания естественности, но настаивает на неоспоримости некоторых базовых ценностей, составляющих содержание «естественного права». Правда, ссылка на точку зрения В. С. Нерсисянца, считавшего, что «вечность и неизменность естествен-

но-правовых предписаний обусловлена их источником — вечностью и неизменностью природы человека, которая проявляется в человеческих склонностях и влечениях» [11, с. 798], вряд ли может считаться бесспорным и исчерпывающим аргументом.

Если «право» воспринимается как продукт общественного развития, что само по себе тривиально, то тогда невозможно принять понимание естественного права как природно-социального феномена. Ничуть не лучше его эклектическая трактовка как исключительно социального явления, но возникшего благодаря закономерностям природы и общества, определяющим его «естественность». Естественное право объявляется наиболее важной детерминантой позитивного права, по странной логике — «потому, что человек создан природой и должен жить в соответствии с ее законами. Но он является также частью социума и должен ориентироваться на социальные ценности» [9, с. 124]. Методологически подобное суждение не выдерживает критики, поскольку человек, являясь плодом антропосоциогенеза и оставаясь природным существом, но всегда остается **человеческим** природным существом. Это означает, что природная естественность в человеке снята (в гегелевском смысле). Универсальным способом существования и развития человека и общества является культура, то есть, система вне- и надбиологически выработанных средств и способов жизнедеятельности, имеющих *искусственный* характер. Наиболее глубокие мыслители эпохи Просвещения (Дидро, де Сад) показали несостоятельность буквального понимания «естественности» и его негативные последствия. Права человека как притязания человека на определенную меру свободы не являются «даром природы», они формируются обществом, более того, они всегда являются результатом неуклонной борьбы людей за эти права. Обладая конкретно-исторической природой, «естественные права» выражают особенности различных пространственно-временных потоков развития общества и культуры.

Но идея прав человека — не плод досужных фантазий мечтательных теоретиков, а кристаллизация многократно повторяющихся событий и поступков, выражающих социально обоснованные притязания человеческой личности на определенный объем материальных и духовных благ. В свою очередь, масштаб прав и свобод обуславливает возможности социального творчества и дальнейшее возрастание степени защиты чести и достоинства. Наделение этих прав статусом «естественных» — не что иное, как правовая фикция, закрепляющая достигнутый

рубеж индивидуальной свободы и гуманизма. В этой формальной неистинности конституционно-правовой фикции «естественных прав» и заключается ее гуманистический смысл.

При этом, в подобного рода дискуссиях, прежде всего в российском социокультурном контексте, необходимо постоянно подчеркивать, что приоритет прав и свобод человека не имеет ничего общего с их абсолютизацией. Свобода *всегда* исторична, *всегда* существует в определенной правовой форме, поэтому *всегда* представляет собой единство взаимных прав, обязанностей и ответственности личности и государства. Приоритетность прав и свобод индивида означает только лишь одно — подчинение деятельности государственных органов и чиновников интересам общества и граждан. При этом следует помнить про предусмотренные Конституцией случаи ограничения прав и свобод во имя общественного блага, то есть, права и свободы человека приоритетны по отношению к государственному аппарату, склонному злоупотреблять должностными полномочиями — при отсутствии системы сдержек и противовесов.

Сложность и неоднозначность проблемы раскрывает подход В. Н. Руденко. Он показывает, как рост социальной напряженности может вызывать лавирование власти между соблюдением закрепленных в конституциях прав и свобод человека и необходимостью их ограничения. Подчеркнем, речь ведется о странах с устоявшейся репутацией демократических и правовых государств, но в которых с начала 2000-х гг. жизненно важным стал вопрос о балансе между правами человека и безопасностью граждан — в контексте роста миграционных потоков и всплеска терроризма. Из-за угрозы терроризма в ряде стран были приняты законы о безопасности, обернувшиеся ограничением фундаментальных прав человека: на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений. «То есть, речь идет о покушении на наиболее важные естественные, личные права человека. Желание государства контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило не менее серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но и собственно основы конституционного строя» [13, с. 117]. Как свидетельствует исторический опыт, расширение контроля над частной жизнью содержит перспективу перерождения демократического государства в полицейское, несовместимое с современными представлениями о цивилизованной жизни и правах человека.

По мнению В. Н. Руденко, подобная ситуация вызвана преобладанием в современном мире непартиципаторной (элитарной) демократии, основанной на состязании политических элит за голоса избирателей. Получая в результате выборов мандат на правление, органы власти ограничивают роль граждан голосованием, оставляя за собой право на принятие важнейших управленческих решений. Поэтому реальная политика становится политикой интересов — борьбой доминирующих групп за власть, создающей «возможность нечестных выборов, некомпетентности выборных должностных лиц, келейности принятия публично-властных решений, неэффективного управления и, как результат, равнодушия граждан относительно своих прав» [13, с. 116]. Попытки минимизировать издержки подобной демократии (транспарентность деятельности органов муниципальной и государственной власти, совершенствование избирательного законодательства, и т. п.), заслуживают внимания и поддержки. Но сегодня они не могут рассматриваться в качестве стратегии развития демократии, поскольку в любой момент могут быть свернуты или выхолощены наличным политическим режимом. Включение в конституцию абстрактных норм о правах человека в целях судебного контроля влечет такую же абстрактную, неэффективную и внутренне противоречивую политику, зачастую имитирующую демократию фальшивой риторикой. На деле права человека воспринимаются населением как идеологические директивы власти, аналогичной директивой выглядят требования по соблюдению прав человека, адресованные органами власти судам и правоохранительным органам. Сами же граждане чаще всего ничего не знают и не стремятся знать о собственных правах, в большинстве своем избегая правозащитной деятельности.

Очевидные недостатки непартиципаторной демократии побудили к поиску альтернативных моделей демократического устройства. В частности, таковой стала концепция делиберативной демократии, понимаемой как политика коммуникации равных граждан, способных к выработке важнейших управленческих решений. «В аксиологии прав человека, — отмечает В. Н. Руденко, — делиберативная демократия задает следующую стратегию: любой гражданин, либо в той или иной мере организованная группа граждан имеют право на участие в обсуждении вопросов, прямо или косвенно затрагивающих их законные права и интересы» [13, с. 118]. Так появляется новая стратегия защиты прав человека, устремленная к согласованию интересов как индивидов, так и социаль-

ных групп, в целом гражданского общества с интересами государства. Артикуляция собственных интересов в коммуникации с органами власти меняет понимание защиты прав человека, которые теперь рассматриваются не как «милость» государства, а как результат общественного договора всех заинтересованных лиц.

Заинтересованное участие в обсуждении правозащитной проблематики, с одной стороны, повышает информированность граждан о своих правах, с другой — затрудняет их произвольное ограничение государственными органами. В рамках делиберативной демократии государство гарантирует гражданам возможность участия граждан в решении тех проблем, которые касаются их законных прав и интересов.

Обобщая имеющийся, преимущественно зарубежный, опыт развития делиберативной демократии, В. Н. Руденко указывает на различные, относительно новые формы защиты прав человека, значимость которых постоянно растет. Судебный контроль в сфере защиты прав дополняется гражданским контролем, возлагающим ответственность за продвижение и защиту прав человека на органы власти, институты гражданского общества и самих граждан. С конца прошлого столетия в ряде стран повышается ценность гражданского участия в такой форме самоорганизации граждан как гражданские жюри (Citizen's Juries). На заседаниях гражданского жюри, сходного с коллегией присяжных, обсуждаются злободневные проблемы публичной политики, связанные с защитой прав женщин, инвалидов, молодежи, других социальных групп. Подобная форма демократии не сводится к соперничеству за голоса избирателей, но все в большей мере включает гражданское общество в решение вопросов, традиционно относящихся к прерогативам государственных органов. Перспективной формой развития судебной системы и защиты прав человека считается так называемое восстановительное правосудие (restorative justice), включающее такие механизмы защиты прав человека, как примирительные процедуры (посредничество, урегулирование, арбитраж), в основе которых лежит диалог, обсуждение [13, с. 120—122].

Но есть и другая перспектива развития форм коммуникации, толерантности, защиты индивидуальной свободы и т. п. Оригинальным вызовом идее прав человека А. П. Семитко считает использование «прав человека для борьбы... с правами человека же, а именно: когда эти правовые идеи наполняются другим культурным содержанием и в итоге искажаются и уничтожаются

их смысл, т. е. они начинают нарушаться в отношении отдельных слоев населения, что оправдывается ссылками на иные — более важные ценности (мультикультурализм, свобода вероисповедания и т. п.)» [15, с. 61]. Речь идет об активном использовании правозащитной риторики в противоречии со смыслом и целью этой защиты. Паранджа или никаб для женщин, скрывающая их тело и лицо (кроме глаз), оказывается, необходима исламистам не для того, чтобы следовать традиции униженного и подчиненного положения женщин в исламском фундаментализме, а для того — «и кто бы это мог подумать, — чтобы бороться за права женщин на индивидуальность и за свободу женского самовыражения. К сожалению, западный обыватель проглатывает эти лицемерные аргументы на полном серьезе и с превеликим энтузиазмом вступает в ряды протестующих против принятия законодательства, запрещающего ношение паранджи (никаба) на территории западноевропейских государств». [15, с. 61].

Современная правозащитная практика подтверждает нехитрую истину о том, что нет такой идеи, которую бы люди не могли довести до абсурда. Правозащитный радикализм, принимающий порой экстремистскую форму человека, ведет к нарушению прав иных лиц и общества в целом. Согласимся с мнением о гипертрофированной защите прав приверженцев однополюсной любви, посягающей на гуманитарную самоидентичность человечества, когда вместо понятий отца и матери предлагается узаконить сексуально нейтральные «Родитель № 1» и «Родитель № 2». По мнению А. П. Семитко, «принятие во множестве западных стран законодательства, разрешающего гомосексуальный брак, — это яркий пример правозащитного экстремизма, который не просто искажает, но уродует и извращает традиционные социальные институты, к каковым относится институт семьи. Более того, эти новые западные подходы навязываются всему остальному обществу насильственно, что является еще одним примером правозащитного экстремизма» [15, с. 63]. Информированный человек может знать, что в большинстве случаев однополюсная сексуальная ориентация не является психическим отклонением, но имеет право не принимать ее по религиозным, этическим или эстетическим соображениям, что не влечет его автоматической квалификации как тоталитарной личности.

Из коммуникативного дискурса могут исключаться темы, которым придается безусловный характер, тем самым ограничиваются базовые права и свободы. Например, так называемая политкорректность приводит

к созданию Голливудом фильмов, мягко говоря, искажающих реальную историю во имя расового равенства; в целом возникли многочисленные запреты на публичное обсуждение «неполиткорректных» тем, ограничивающих свободу слова, доходящие, в некоторых случаях до уголовного преследования.

Политика двойных стандартов, используемая США и рядом государств Европы в международной политике по отношению к западным странам, факты грубого нарушения прав собственных граждан и т. п. свидетельствуют не только о нравственном лицемерии, но и ведут к дискредитации правозащитных идей и ценностей. Тем самым воспроизводится знаменитая мораль готтентотов, согласно которой все, что выгодно для них — «хорошо», если наоборот, то — «плохо».

В этой ситуации авторитарные и террористические режимы западного мира получают прекрасную возможность политической демагогии по отношению к населению собственных стран, разоблачая ценности и идеалы правового государства как ничтожные и злонамеренные. Для внутренней политики насилия и произвола, творящей бесправице, находится оправдание, позволяющее как минимум игнорировать критические оценки со стороны международных правительственных и общественных правозащитных организаций.

Показательно, что в последнее время простое замалчивание подобной критики в России сменяется открытой агрессией по отношению к самой идее прав и свобод человека. В безапелляционной и категоричной форме, игнорирующей правила логики и какие-либо содержательные аргументы, провозглашается необходимость радикального пересмотра действующей Конституции. Взамен предлагается обновленная национальная идеология, которая якобы позволит всем народам евразийской цивилизации успешно идти по пути социального прогресса.

В рамках этого подхода на евроатлантическую цивилизацию возлагается безусловная вина — как за развязывание непрерывных вооруженных конфликтов, так и навязывание конституционно-правовой идеологии, основанной на ценностях прав и свобод человека, выдаваемых за универсальные общечеловеческие ценности [6, с. 43].

Конституция, имея метаправовой характер, в любом государстве включает в себя определенное понимание свободы, равенства и справедливости, представления о законе и порядке и т. д. Мы уже упоминали, что в западных странах порой пренебрегают социокультурной обусловленностью национальных систем права и, соответственно, Конституций. Но нельзя замалчивать и

другое — в ходе всемирно-исторического процесса, по мере взаимообогащения различных культур, каждая национальная система права включает все больше правовых ценностей, созданных коллективным опытом человечества. Придание же традициям и символам культуры характера фактической конституции, их сакрализация в контексте приоритета общественных и государственных интересов по отношению к частным и групповым обрекает общество на застой и неизбежную деградацию. Провозглашение господства обязанностей над правами; закона над правом, государственной собственности над частной; идеологическую и политическую монополия — привычное возвращение России в орбиту циклически незавершенных, а поэтому повторяющихся модернизаций. Хронически сменяющиеся друг друга реформы и контрреформы — прямое следствие отсутствия правового ограничения государственной власти — путем разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов как высшей гарантии обеспечения прав и свобод индивида, в первую очередь права частной собственности.

Неразвитость российской политико-правовой культуры, ее стадийно-историческое отставание от англо-саксонской и романо-германской правовых семей в этой логике становится выражением уникальности и самобытности. Западная правовая система подвергается критика за «самодовлеющий формализм», то есть за то ценное качество права, которое не позволяет сводить его к «понятиям». «Механизм внешне демократической государственной власти» критикуется за соблазн видимой простоты и иллюзии легкого переноса на почву иных цивилизаций [6, с. 45]. Утверждается, что Конституция РФ не стала способом достижения национального согласия между российским народом и его вестернизированной элитой. Но, во-первых, по своему социально-историческому характеру российские элиты, если и вестернизированы, то только внешне — по стремлению обеспечить комфортное существование себе и семьям на благополучном Западе. Именно поэтому покупаются роскошные замки на Лазурном берегу, шале в Швейцарии, особняки в Лондоне и т. д. Социальные паразиты, как и преступники вообще, не имеют национальности. Во-вторых, эти «элиты», судя по итогам выборов и социологическим опросам в большинстве случаев сохраняют ментальное единство с «народом». Трудно говорить о форме достижения социального согласия по поводу визитной карточки, роль которой сыграла Конституция 1993 г. Она была предъявлена «основной массе населения» как символ от-

личия от прежней коммунистической власти и международному сообществу, прежде всего ведущим странам Запада — для получения кредитов и займов, благополучно разворованных «элитой». Неуважение чуждых западных (=либеральных) ценностей свойственно как элите, так основной массе населения, предпочитающих до поры жить по традиционным «понятиям», то есть, по практикам насилия и произвола. При этом обе стороны единого государственно-политического тела с нескрываемым злорадством обличают либерализм, акцентируя внимание на злоупотреблении правами и свободами, но фактически отвергая незыблемые ценности правового государства.

Процесс передела власти и собственности (сверху донизу) не мог не принять криминальных форм, как в традиционном смысле, так и в силу правового вакуума, возникшего после краха советского государства. Закономерна и последующая реакция верховной власти по созданию «вертикали власти», единого конституционно-правового пространства, отстрелу бандитских группировок, отыгравших свою роль в первоначальном накоплении капитала. Но восстановление основ конституционного строя обернулось возвратом к привычным российским матрицам власти, с ее персональной концентрацией и монополизацией власти, с тенденцией к ее узурпации и негативными последствиями для государства и общества. Отсюда и скупая похвала той особенности действующей Конституции, «которая делает ее в значительной степени работающей и реальной, несмотря на эклектичность содержания и радикальный либерализм основополагающих принципов» [6, с. 46]. Нетрудно догадаться, что речь идет о беспрецедентных полномочиях президентской власти, не имеющих ничего общего с принципом разделения властей и превращающих ее в режим ручного управления, точнее — в самодержавие.

Отсюда вполне логично одобрение «реформ», которые, по версии Грачева, «сняли огромное социально-политическое напряжение, в котором находилась страна все 1990-е гг.» [6, с. 46]. Одобряется как раз то, что составляет фактическую узурпацию власти и ликвидацию разделения властей: подчинение главе государства законодательной власти, которая даже не тянет на статус законсовещательного органа; лишение независимости судебной власти, подчиненной исполнительной власти, ликвидация вертикального разделения властей — унитаризация политико-территориального пространства, ликвидация демократических механизмов, народовластия и квази-многопартийность, превратившие выборы в формальный ритуал.

При этом с подкупающей откровенностью говорится о том, что реально сложившуюся практику государственно-правового строительства ни в коем случае нельзя оценивать, как «узурпацию власти Президентом» или «возрождение авторитаризма», поскольку эти процессы выражают глубинную архитектуру российской «почвы». Поэтому все реформы и их направленность выражают устойчивые психологические черты «широких народных масс». Определение же политико-правового режима, который сложился в России в начале XXI в., как плебисцитарной демократии с присущим ей авторитарным правлением главы государства, возвышающимся над всеми политическими силами, в силу источника своих полномочий и личной харизмы способно вызвать вполне определенные ассоциации у всякого мало-мальски знакомого с историей XX в. Именно такая политическая конструкция, обеспечив пост-Веймарской Германии, социально-политическую стабильность и государственную целостность привела потом к катастрофе немецкого государства и гибели десятков миллионов людей.

Расхожая формула провластных идеологов — стандартное обвинение идеологии либерализма, положенной в фундамент российской Конституции. Убийственным аргументом считается отсылка к населению России, которое не принимает либерально-буржуазные ценности. При этом не принимается во внимание, что сравнительно недавно — по историческим меркам, население России равнодушно отнеслось к гибели Советского государства и краху коммунистической идеологии. Будет уместна и отсылка к «прозрениям» популярного в определенных политико-идеологических кругах мыслителя позапрошлого века. Ссылаясь на изобретенные охранителями самодержавия и РПЦ представления об исконных нравственных свойствах русского народа, Н. Я. Данилевский утверждает: «...Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословием или всею массой граждан, изгнание царствующей династии и замещение ее другою» [7, с. 488]. Надо ли напоминать, к чему в начале XX в. привела безответственная политика царского двора, боровшегося с либеральными ценностями, но вызвавшая к жизни зловещие социальные силы...

Закономерная логика истории, скрытая внешним идеологическим антуражем,

восстановила систему авторитарной власти, которая стала тяготится чуждой ее риторикой. Западный (в прежней идеологической риторике — буржуазный) конституционализм собираются преодолевать «возрождением» архаических форм политики и права, уверяя, что они-то и выражают собственную духовную основу российской цивилизации, она же евразийская. Едиными ценностями евразийская цивилизация объединяет различные народы и нации, сохраняя и укрепляя свою самобытность. Самобытность обеспечивается российским конституционализмом, в котором отсутствуют: ограничения власти правами человека и гарантии частной собственности. Зато присутствует монополия верховной власти на законотворческую деятельность, на определение целей и способов деятельности государственного аппарата, в том числе принуждение. Идеологи политического авторитаризма открыто заявляют, что ни ранее, ни в перспективе «признание высшей ценностью человека, его прав и свобод совсем не вписывается в отечественную духовную и политико-правовую традицию» [6, с. 48].

В ответ можно процитировать, не прибегая к особым комментариям — в силу одиозности ситуации, печально известные идеи прошлого. «Государство, — подчеркивал официальный историограф «третьей империи» Г. Рюле, — представляет собой организационную форму народной жизни. Оно — предпосылка народной жизни и уходит своими корнями в народ. В национал-социалистском государстве преодолено противоречие между государством и народом. Государство — это организованный народ. Поэтому-то в национал-социалистском государстве нет места для либеральной многопартийной системы» [5, с. 296—297]. В идеологии немецкого нацизма государство безоговорочно подчиняет себе все сферы жизни общества, в том числе личную и частную жизнь. «Поскольку организованность и всевластие государства, доведенные до полного отрицания прав и свобод личности, были провозглашены основным содержанием «социализма», высшей формой управления был объявлен принцип вождизма, обеспечивающий наилучшую реализацию функций общества и государства» [5, с. 297]. Система организованного самоуправства и произвола, подавляющая какую-либо инициативу и самостоятельность, маскировалось апелляцией к мистическому народному духу (ср. с «глубинным народом» Суркова) как источнику авторитарной власти первого лица. В этой логике вся система управления становится предельно централизованной, напоминая феодальную ленную

систему, в которой каждый вассал (чиновник), сохраняя верность сюзеру (первому лицу, как бы оно не называлось), располагает неограниченными полномочиями в своей сфере власти и управления. Как подчеркивал Ж. Желев: «...фашистское государство — строгая и последовательно централизованная система, ее отдельные звенья пребывают в отношениях полной субординации, при этом асинхронность в действиях звеньев нетерпима» [8, с. 97]. Эта система культивирует ненависть ко всем тем, кто действует и думает по-своему, отсюда и ненависть к либерализму буржуазной демократии, несущей смертельную опасность тоталитарному государству.

Унификация государственной машины автоматически делала ничтожными любые попытки поставить вопрос о разделении властей или многопартийности. «Нацистская верхушка, — писал Ж. Желев, — имеет ясное представление о значении однопартийной системы в структуре режима. Поэтому на каждое требование ликвидировать однопартийную систему и восстановить традиционную буржуазную демократию с присущей ей многопартийностью она смотрит как на прямое посягательство на основы государственной безопасности. Такое требование каралось жестоко и беспощадно, объявлялись антинародными и антигосударственными...» [8, с. 51].

Имперская идеология размывает права и свободы личности на властные интересы правящего класса, камуфлируя этот размен лозунгами независимости и самостоятельности государства. В рамках этой идеологии любой конфликт между верховной властью и правами человека автоматически решается не в пользу человека. Вопреки горьким урокам истории верховная власть наделяется высшим благом и общей пользой, милостиво даруя, по своему усмотрению, гражданам права и свободы, независимо от каких-либо международных стандартов и оставляя за собой безусловное право на ограничение или отчуждение этих прав. Из полноправного гражданина предлагается опять сделать подданного, в своем правовом статусе зависящего от государства. Тем более, что состояние защиты в России многих прав человека, неуважение к чести и достоинству граждан и т. п. свидетельствуют о сохранении черт традиционного, архаичного общества.

Неоднократные, но нерезультативные обращения Конституционного Суда к проблеме ответственности государства за систематическое нарушение «неотчуждаемых» прав и свобод создают реалистическую картину положения с правами человека в России.

Поэтому предложения о законодательном усилении ответственности государства и государственных органов за нарушение прав человека, о необходимости развития институциональных форм их защиты выглядят не только наивно [1, с. 111].

Действительность говорит о сохранении и укреплении политико-правовой системы, основанной на пренебрежении фундаментальными правами и свободами человека и гражданина. Множатся факты абсурдного преследования за правонарушения, созданной системой косного, бюрократического законодательства. Коррупция, ставшая системой воспроизводства прежде всего политико-управленческих отношений, становится все более масштабной и элитарной. Политический протест против практик административного и прокурорского произвола, махинаций с выборами и т. п., подавляется с показательной жестокостью.

Но, как свидетельствует опыт развития мировой цивилизации, все попытки сохранения и увековечения систем власти, культивирующих подавление инакомыслия, инициативы и предприимчивости, в конечном счете, обречены на поражение. Точно также, в исторической перспективе не имеет альтернативы система взаимных сдержек и противовесов, ограничивающая авторитарную узурпацию власти. Разумеется, при этом речь не идет о слепом, механическом копировании политико-правовых конструкций, возникших на иной социокультурной почве, равно как и о стремлении менять изжившие себя социальные и политико-правовые институты, радикально обрывая преемственное развитие национальной культуры.

1. Алжеев И. А. Конституционно-правовой механизм обеспечения органами прокуратуры прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 2 (7). С. 106—111.

2. Аничкин Е. С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 87—105.

3. Владимиров А. А. Проблема прав человека в «философии права» // *Вестник ВГАВТ*. 2016. Вып. 47. Раздел X. Философия. Общество. Культура. С. 280 — 284.

4. Воеводина Т. Зачем человеку права человека? // *Литературная газета*. 2015. 8—14 апр. С. 2.

5. Галкин А. А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1989. 352 с.

6. Грачев Н. И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 4 (5). С. 43—50.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М. : Книга, 1991. 574 с.

8. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство : пер. с болг. М. : Новости, 1991. 336 с.

9. Кудинов А. С. Естественно-правовая концепция международного права действие // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 120—137.

10. Мартышин О. В. Конституция и идеология // *Государство и право*. 2013. № 12. С. 34—44.

11. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 848 с.

12. Пономарев А. С. Методологические аспекты анализа функционирования ценностно-нормативной системы (на примере права) // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 73—90.

13. Руденко В. Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 115—127.

14. Семитко А. П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 83—105.

15. Семитко А. Л. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // *Вестник Гуманитарного университета*. 2017. № 4 (19). С. 32—72.

16. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М. : Наука, 1988. 144 с.

References

1. Alzheev I.A. (2016) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 2 (7), pp. 106—111 [in Rus].

2. Anichkin E.S. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija*

Rossijskoj akademii nauk, vol. 18, iss. 2, pp. 87—105 [in Rus].

3. Vladimirov A.A. (2016) *Vestnik VGAVT*, iss. 47, part X. Filosofija. Obshhestvo. Kul'tura, pp. 280—284 [in Rus].

4. Voevodina T. (2015) *Literaturnaja gazeta*, April 8—14, p. 2 [in Rus].

5. Galkin A.A. (1989) *Germanskij fashizm*. Moscow, Nauka Publ., 352 p. [in Rus].

6. Grachev N.I. (2015) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 4 (5), pp. 43—50 [in Rus].

7. Danilevskij N.Ja. (1991) *Rossija i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k Germano-Romanskomu*. Moscow, Kniga Publ., 574 p. [in Rus].

8. Zhelev Zhelio (1991). *Fashizm. Totalitarnoe gosudarstvo*. Moscow, Novosti Publ., 336 p. [in Rus].

9. Kudinov A.S. (2015) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 15, iss. 2, pp. 120—137 [in Rus].

10. Martyshin O. V. (2013) *Gosudarstvo i pravo*, no. 12, pp. 34—44 [in Rus].

11. Nersesjanc V.S. (2008) *Filosofija prava*. Moscow, Norma Publ., 848 p. [in Rus].

12. Ponomarev A.S. (2016) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 16, iss. 4, pp. 73—90 [in Rus].

13. Rudenko V.N. (2017) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, iss. 4, pp. 115—127 [in Rus].

14. Semitko, A.P. (2017) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, iss. 1, pp. 83—105 [in Rus].

15. Semitko A.L. (2017) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (19), pp. 32—72 [in Rus].

16. Chetvernin V.A. (1988) *Sovremennye koncepcii estestvennogo prava*. Moscow, Nauka Publ., 144 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G.

Axiology of human rights: democracy versus autocracy // *Socium i vlast'*. 2019. № 5 (79). P. 45—54. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

UDC 130.3

AXIOLOGY OF HUMAN RIGHTS: DEMOCRACY VERSUS AUTOCRACY

Yuriy G. Ershov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (branch), Head of the Department Chair of Philosophy and Political Science, Professor, Doctor of Philosophy, Professor, The Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 68. E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article is focused on the analysis of ideological disputes concerning the concept of natural human rights and freedoms. The author criticizes both the practice of abusing fundamental rights and attempts to replace them with archaic forms of the relationship between the individual and the state. The author fixes the logical link between denying the legal state and its replacement by a terrorist dictatorship as exemplified by Nazi Germany.

Key concepts:

natural human rights, Constitution, legal fiction, democracy, state, authoritarianism.